

ПОЭТ И БОГАТЫРЬ

Независимая газ.
1999 - 30 янв. - с. 7

К 80-летию «друга своих удач и врага невзгод», создателя Поэтограда Николая Ивановича Глазкова

Евгений Лесин

АНДРЕЙ Тарковский навсегда останется в истории. И не только тем, что, как рассказывают, является автором одной из лучших песен из репертуара Аркадия Северного. «Когда с тобой мы встретились, черемука цвела...» Нет, он останется в истории хотя бы уже тем, что снял самую красивую женщину мирового кинематографа Маргариту Терехову в фильме «Зеркало» и самого летающего человека в русской поэзии Николая Глазкова в фильме «Андрей Рублев». Причем снял его в роли самого себя. В роли Летающего мужика. Летающего поэта. Поэты действительно, как говорил Ежи Лец, сидя за столом, не достают ногами до пола. Но ни один из них — ни до, ни после Глазкова — не осмелился прокричать на весь мир: «Лето!»

Именно «летю», и именно Николай Глазков. Только у него «стихи стихаются совершенно сами». И только он любимый и постоянный автор издательства «Самсебяиздат».

Николай Глазков помимо поэзии увлекался многим, многое умел и знал: любил шахматы (как Набоков), любил географию (был членом Географического общества) и математику (как Николай Олейников), обладал недоужинной физической силой и знал наизусть таблицу Менделеева, много снимался в кино. Да, роль, сыгранная им у Андрея Тарковского, не была единственной. Николай Глазков бился с захватчиками на Чудском озере в фильме «Александр Невский», играл в «Романсе о влюбленных». Режиссер Вера Строева предложила ему роль Достоевского, но фильм «Особенный человек, или Роман в тюрьме» (он был о Чернышевском) так, увы, и не вышел на экраны: большевики сочли, что осужденный самодержавием писатель Чернышевский может вызвать нехорошие ассоциации с писателями Синяевским и Даниэлем, процесс над которыми проходил как раз в это время. Так что никто и никогда уже не увидит Небывалого человека Глазкова в роли Достоевского в фильме про Особенного человека Чернышевского. И все же Глазков был блестящим, великолепным актером. Если в кино он играл самого себя, то в жизни, в поэзии — у него множество ролей. Самые разные. То он неофутурист, то небывалист. То генийянец (а не гегельянец), то император страниц. Он был «сам себе спешкор», «самый безответственный работник», «друг своих удач и враг невзгод». Он избрал свою собственную сказочную страну Поэтоград, куда допускал немногих. Изобрел и упомянутое выше издательство «Самсебяиздат», в котором выпускал небольшие изящные книжечки своих стихов и дарил друзьям. Тем, кого пускал в Поэтоград. И все-таки прежде всего Николай Глазков был поэтом и богатырем. Именно так: поэт и богатырь. Поэт во всех смыслах этого слова, равно как и богатырь:

*Я победы своей не отдам,
Если мне суждено дожидать.
Разве есть такой чемодан,
Чтобы я не мог дотащить.*

Разумеется, нет таких чемоданов и быть не может. Не было ничего, что бы ему не удавалось, а если и не удавалось, то шло на пользу или ему или его поэзии. Даже то, что он почти не имел выхода на широкого читателя, не губило его, а, наоборот, сохраняло самобытность, чуждость. Он писал стихи, как сам говорил, непохожие, и таковыми они остались у него навсегда. Те сборники, которые в 60–70-е годы стали у Николая Глазкова все-таки выходить, хоть и открыли ему читателя (и открыли его читателю), включали много стихов, если и не случайных, то все же не лучших. Лучшее, что написал Глазков, все равно было известно лишь в «самсебяиздавских» выпусках, да ши-

роко цитировалось наизусть.

Глазкова, как и большинство близких ему по духу писателей, считали то шутом, то скоморохом, то чудачком — он слишком многим казался странным. Он, разумеется, и был таким и нарочно усиливал эффект необычности. А когда читаешь стихи вслух, то приходится чаще всего читать стихи игровые, смешные. Вот и поэзия Николая Глазкова считается шуточной, «несерьезной».

На самом же деле поэтов нельзя делить на «серьезных» и «несерьезных». У настоящих поэтов количество шуточных, игровых, пародийных стихов примерно равно количеству лирических, грустных или, скажем, гражданских. Все дело в том, с какими именно стихами поэт получает первое признание. Не важно официальное или нет. Если первое, что у тебя по-настоящему заметили, вызвало смех или улыбку, то этого от тебя будут ждать всю твою поэтическую жизнь. Разумеется, в статьях и воспоминаниях будут писать о том, что «в

слушателей. Его помнили наизусть, о нем рассказывали были и небылицы, он существовал в «литературном мире», но как поэт-миф, поэт-легенда, поэт как бы несуществующий, поэт идеальный: в том смысле, что таким надо быть настоящему поэту. Но, разводили руками коллеги и «собратья по перу», в наше время это, увы, невозможно. Поэтомы они печатались, писали доносы, сидели в лагерях, воевали на войне, строили социализм. Николай Глазков избежал всего этого: на войну его не взяли, в тюрьму не посадили, печатать в 40–50-е годы не могли в принципе, а строить социализм ему было скучно. Именно скучно, и, думаю, не зря Глазков назвал своим предком того, кто в открытую утверждал, что не против советской власти, что чит Уголовный кодекс, но вот социализм строить ему скучно:

*Что из того, что день наш черен,
Не привыкать к бедам.*

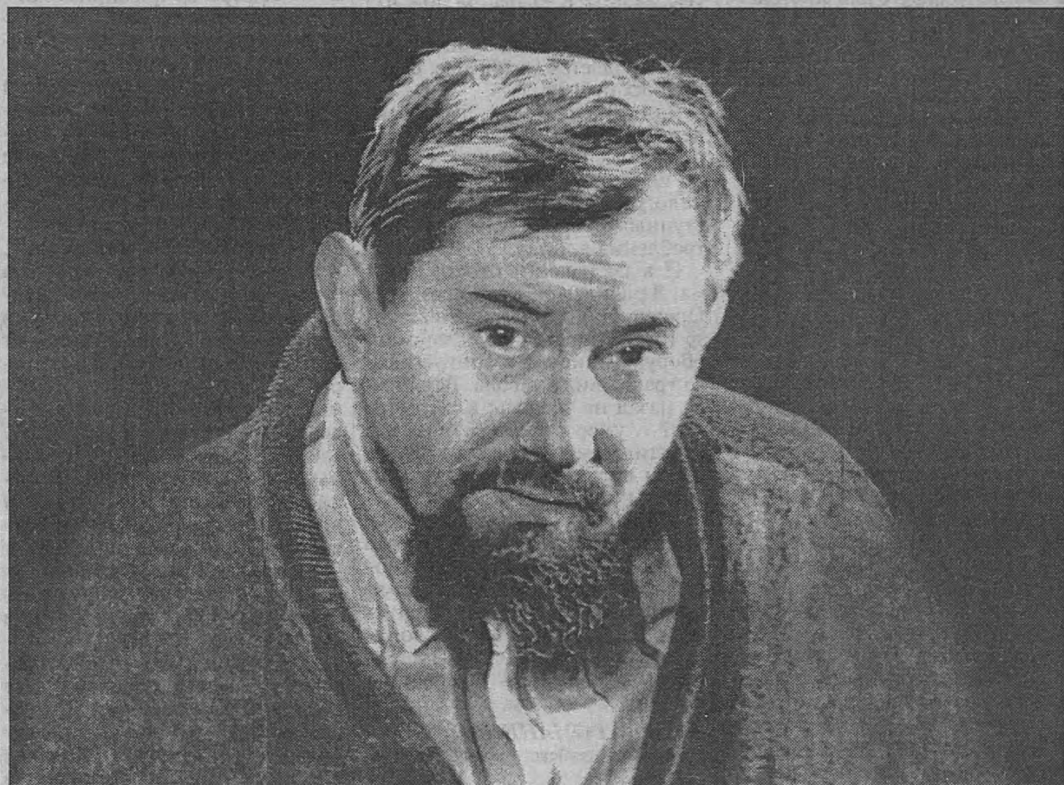
*Наши предки Чацкий, Печорин,
Рудин, Базаров, Бендер.*

Каков ряд, однако! Чацкий, Пе-

которой работал Глазков, не является, разумеется, мейнстримом для русской поэзии, но она всегда была и всегда будет. Козьма Прутков, Олейников с обэриутами, лианозовцы, Олег Григорьев...

Существует целый ряд писателей, литературная жизнь и судьба которых определяются довольно жестокой формулой: автор одной книги и записных книжек. Их очень много, многие из них очень талантливы, но почти все находят-ся во «втором ряду». Кому-то, конечно, повезет, и через 50 лет его повесть затмит все тома нынешних нобелевских, буковских, ленинских и иных лауреатов. Но таковых очень немного и угадать их заранее невозможно.

Николай Глазков принадлежал к другой, более редкой, но зато самой счастливой категории: автор книги стихов и герой книги воспоминаний. У меня есть обе эти книги: небольшое «Избранное», выпущенное в «Худлите» в 1989 году, и «Воспоминания о Николае Глазкове», вышедшие в том же году в «Со-

Поэт Николай Глазков.
Фото Николая Кочнева

действительности» ты писал и лирику, причем самую высокую, и еще что-нибудь, но никто не обращал на это внимания, не замечал. И наоборот. Попав сразу в мейнстрим, от него уже не отвертеться. А в приложениях, примечаниях, дополнительных томах будут печататься сотни пародий, шуток, эпиграмм, все, что «несерьезно». В статьях же и воспоминаниях будут писать, что «на самом деле» у тебя был великолепный, непревзойденный юмор, но это «почему-то» осталось известным лишь узкому кругу коллег. Что ж, в действительности, как известно, все иначе, чем на самом деле. Все сложнее, а потому проще. Не бывает серьезных поэтов без юмора, без игры. Не бывает и чистых юмористов. Смешное всегда трагикомично. Любая трагедия, изображенная с долей абсурда, вызывает смех. Таково искусство, в этом его притягательность.

*Говорю: не писать трудней,
Только я куда-то спешу
И поэтому целых сто дней
Почти ничего не пишу.*

*Без стихов моя жизнь петля,
Только надо с ума сойти,
Чтоб, как прежде, писать стихи*

Очень умных, но десяти.

Только тот, кому действительно без стихов петля, может считать дни, без них прожитые, дни, в которые ничего не написал. Но Глазков никогда не писал для «десяти». Даже в то время, пока его совсем не печатали (а длилось это долго), у него было достаточно читателей и

чорин, Рудин, Базаров, Бендер... В этом весь Глазков. И дело не в парадоксальности параллели Печорин — Базаров, а в точности характеристики Чацкий — Бендер. Глазков вообще всегда и во всем был предельно точен. И в своих литературных симпатиях и антипатиях, и в четком осознании того места, которое он занимает, Глазков не шутил, постоянно и во всеуслышание называя себя гением. Он и был гений. Одинокий гений. Ведь только гений в отличие от любого, самого большого, таланта всегда одинок.

А главным в Николае Глазкове как раз и было, что поэтически он совершенно одинок. Стоит и облетает, как желтый поникий люттик, на поле русской поэзии. Все его любят, все помнят наизусть его стихи, везде он желанный гость. Но только лишь гость. Гость, что ходит из комнаты в комнату, всех веселит, со всеми шутит, все ему наливают более чем охотно. И он, естественно, не отказывается («Но не сдамся двум разам — / Тусклости и трезвости!»). Оказавшись где-нибудь в коридоре совсем один, улыбается уже печально и даже серьезно. Но в конце концов все равно уходит, ни с кем не остается. Ни в прокуренную комнатку шумных шестидесятников, ни в гостиной вместе с поэтами-орденоносцами, ни в спальне в объятиях «тихих лириков», ни в диссидентской кухне среди представителей андерграунда.

Это кажется странным, учитывая обилие как предшественников, так и последователей. Традиция, в

ветском писателе». Недавно появилась еще одна книга Глазкова, изданная в серии «Самые мои стихи». Вот, собственно, и все, что нужно. А то, что воспоминания о Глазкове составляют неотъемлемую часть его творчества, — не подложит, думаю, никакому сомнению: поэт «наизустный» всегда жив, помимо стихов, еще и делами, мифами, легендами, сказками и историями. Тому везет, воспоминания о ком обретают письменную, книжную форму. Николаю Глазкову всегда везло. Он был настоящим другом удач и врагом невзгод...

На станции метро «Шукшинская» есть турникет, номер которого 1999. Николай Глазков мог бы написать по этому поводу целую поэму. А мои современники просто суют в него свои магнитные карты да и отправляются восвояси. Кто на «Площадь Ногины» едет, кто на «Китай-город», кто на «Лубянку», кто на «Дзержинку», кто вообще на «Тургеневскую», но все — по делам. Даже пьяные, стоя на эскалаторе, «летю» не кричат. «И правильно: милиция есть и под землей. А летать страшно и дорого. Не говоря уж о том, что количество летающих самолетами «Аэрофлота» давно и неуклонно падает, вместе с самолетами. И никакой поэзии. Даже в 1999 году — году 200-летия Александра Пушкина, 100-летия Владимира Набокова и 80-летия Николая Глазкова.

*Человек живет, спеша
Ощутить и то, и это,
А умрет — его душа
Обрывает скорость света.*